

Роман Краснов

О,
рофельная
духота!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Валерьевич Краснов

О, рофельная духота!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72349252

SelfPub; 2025

Аннотация

Со школьных лет мы знаем, что на 80% состоим из воды и чтобы продолжать жить, нужно состоять из нее и дальше... Смогут ли в условиях нехватки столь драгоценного ресурса Он и Она еще такие молодые сохранить любовь... Или лишь чувство юмора?

Содержание

Научно-фантастические фанфики	4
Один неудачный рофл – и ты на дне	12
Экзистенциальный кринж	23
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Краснов

О, рофельная духота!

Не оставляй надежду всяк сюда входящий!

Научно-фантастические фанфики

«Итак, Герберт Уэллс считается автором многих тем, популярных в фантастике последующих лет. В 1895 году, за 10 лет до Эйнштейна и Минковского, он объявил, что наша реальность есть четырёхмерное пространство-время. В романе «Мир освобождённый» предсказал Вторую мировую и атомную бомбу. А в 1923 году он первый ввёл в фантастику параллельные миры в своем романе “Люди как боги”»

– Который был высмеян и раскритикован Олдосом Хаксли несколько лет спустя в его «Новом дивном мире»... – раздался возглас с самой задней парты аудитории.

Профессор, сощутив глаза, увидел стройного молодого человека в округлых очках, все это время следящего за лекцией.

– Я что-то не припомню, чтобы вы были моим студентом, юноша.

В это время как раз раздался звонок, и он отпустил студентов на перемену.

– Я правильно понимаю, – на ломаном русском начал излагаться посетитель, – что вы профессор Петр Кротышевский?

– Собственные персоны, – ответил тот и протянул незнакомцу руку, вытерев ее о мокрую тряпку.

– Я Афелис Агрими – журналист из греческого Университета искусств. Прохожу в вашем городе практику. Я много читал ваши статьи про ноосферу... ну...как читал... у нас есть один умалишенный в группе, что постоянно нам транслирует ваши идеи. Мы вечно с ним спорим, но ему, видимо плевать на истину, на искусство и на природу.

– Ааа... так вы продолжаете славную традицию вашего университета...

– Эмм... традицию? – несколько недоуменно посмотрел на профессора Агрими.

– Ну да. Традицию докучать мне своим нытьем о том, как плохо мы все живем на этом круглом синем шарике под названием «Земля».

– Ну... знаете! – заносчиво контратаковал Афелис, – Мы говорим о важных вещах, об актуальных проблемах нашего времени. Такие эгоисты, как вы, всегда были вне окружающего мира. Между прочим, прогресс, поборником которого вы являетесь, принес людям только боль и смерть. Чего только стоит дьявольская игрушка Оппенгеймера.

– Оу... – Кротышевский сочувственно сgrimасничал, – Ну, да, стоит признать, потомки жителей Хиросимы и Нагасаки не скоро простят ему эту ошибку. Однако, справедливости ради, его дьявольская игрушка сдерживает не менее дьявольский аппетит власть имущих вот уже больше полувека, кто знает, что было бы в противном случае...

– Это все капля в море, в сравнении с тем, что человечество сделало природе за время своего существования: вырубка лесов, загрязнение воздуха!! Человеку не следует жить... Стоит только природе захотеть и все мы исчезнем также внезапно как и появились!

– А что, человек не часть природы? Конечно, каждый биологический вид загрязнявший свою экологическую нишу, вымирал, но может вместо того чтобы убивать человека, мы посадим новые деревья, бумага так вообще скоро не нужна будет, да и экологически чистая атомная энергия может компенсировать некоторый ущерб, нанесенный природе.

– Что скажете на счет исчезновения редких видов животных, а умник, вы наш? – несколько смягчившись, спросил Агрими.

– Согласен, нужно дать природе самой их прикончить, как и сто раз до этого.

– Вы все смеетесь... Ну раз вы так печетесь о людях, то прогресс и их не пощадил: Еще в прошлом веке Оруэлл и Хаксли на пару разгромили ваши технократические замашки! Ха! – Юнец стукнул кулаком по столу.

– Ну, хорошо, – сказал профессор, улыбнувшись, – тогда отменяем систему паспортного контроля и наружного слежения, в топку органы правопорядка и здравоохранения. Зарегистрирован в Твиттере? Не дамся шпионам из «Google»! – саркастически говорил профессор.

– Сразу видно, книгу Хаклси вы не читали... – Заявил студент.

– Ооо... Еще как читал и вот что я вам скажу: «Остров» это страшная книга! Хотя рациональные зерна там, конечно, есть...

– Очень смешно, профессор! С вами невозможно разговаривать, вы просто... вы... утратили духовность, как и многие в наш раскрепощенный век... – с грустью произнес Афелис.

– Не расстраивайтесь, дружище. Вам просто нужен свежий воздух... – Кротышевский похлопал практиканта по плечу.

– Да! Мне нужен свежий воздух, планете нужен свежий воздух, я хочу, чтобы этого всего не было! Всего этого технократического безобразия!

– Хм... – Задумался профессор, – чтобы этого не было, говорите? Знаете, я могу вам это устроить...

Лицо Афелиса исказилось внезапно гримасой недоумения и, помешкав, он произнес: «Ч-что?»

– Что это значит?

– Идем те, Афелис! Заскочим ко мне домой и выпьем чайку!

Квартира профессора состояла из одной комнаты и представляла из себя упорядоченную свалку разного калибра приборов. В самом ее центре стоял самый большой прибор, состоявший из трех металлических столбов, снизу державшихся на круглой платформе среднего размера. Из разъема платформы сбоку тянулись провода в ванную. Профессор и практикант наслаждались чаем.

– А это лучше собрать в пакетик с собой, – сказал Кротышевский, указывая на сэндвичи с ветчиной и сыром.

– Зачем? И что вы вообще собрались со мной делать? – Афелис начал напрягаться и отступать к выходу.

– Ох, не беспокойтесь, мой друг, вы любите путешествия во времени?

– Чего? Опять вы поначитались своих научно-фантастических фанфиков, Кротышевский?

Профессор встал на платформу между столбами.

– Да-да, – суетливо махнул он рукой, – А теперь вставайте ко мне, быстрее, мне еще за квартиру сегодня платить...

– Это... машина времени? – прыснул от смеха Афелис, – Невозможно же...

Как только Афелис встал на платформу к профессору, они оба исчезли восвояси. Зеленая трава слегка колыхалась под легким дуновением ветра, исполинские пальмы прикрывали от солнца спящих тритонов, недавно искупавшихся в озере неподалеку. Где-то в небе пели птицы. Недалеко от описываемого места сверкнула вспышка, из которой появились Афе-

лис и Кротышевский.

Оба с изумлением и глазами навывкат огляделись. Изумрудного цвета озеро, отражающее солнечные блики, бросилось Афелису в глаза.

– Где мы?

– Точнее, когда мы? – поправил профессор, – предположительно 10 тысяч лет назад, относительно скоро неолитическая революция.

Афелис почувствовал чистоту вдыхаемого им воздуха, впад в состояние эйфории.

– Мы, что, в раю?

– О, нет, про рай будет тысяч через 8 лет, примерно... а пока наслаждайся, кстати, вон наши предки, – Кротышевский заметил стаю обезьяноподобных людей с копьями. Афелис присмотрелся к ним и сказал: «Тут вам и место, вот они, времена, когда превосходство природы над человеком бросается в глаза, а? Профессор?» Профессор буркнул «ага» причмокивая сэндвичем.

– Может искупаться? – предложил Афелис.

– Я бы не стал, но тебя удерживать не буду, если что, вещи посторожу пока.

После купания Афелис, забыв прошлые обиды, разделил с профессором трапезу.

– Ну что, пора назад? – Кротышевский смотрел на часы.

– Нет, спасибо, я остаюсь здесь... я ни за что....

– Ты умеешь охотиться? – перебил профессор, – Шить

одежду? Огонь добывать, может быть?

– Ладно, заводите машину, – успокоился студент.

На этот раз при перемещении вокруг платформы со столбами образовался электрический прозрачный купол, за которым было видно быстротекущее время и события следовавшие после. Путешественники увидели, как стремительно срубаются деревья и строятся небольшие хижины, как затем эти хижины разрушаются ураганами и пожарами от молний, как стремительно угасает человеческая жизнь, не приспособившаяся к домохозяйству: от голода и болезней умирали целыми семьями, в некоторых случаях последними умирали дети, плакавшие и не понимавшие, что происходит. Затем перед глазами Афелиса пролетала развивающаяся во времени пустота

– А можно как-нибудь ускорить процесс перемещения? – лихорадочно спросил Афелис профессора.

– Ах, да, конечно. Я совсем забыл, прости.. – отозвался тот, нажав что-то на пульте.

По прибытии назад Афелис присел опустошенный, в его глазах наливались слезы, будто он узрел воочию один из романов Голдинга.

– Что это было? – спросил он, наконец, будто сам у себя.

– Это была природа, дружок, и, кажется, она забыла спросить разрешения у 95% планеты, хотят ли они умирать.

– Я не хочу ТАК...

– Ах, не хочешь. Коли не хочешь, – Кротышевский на-

клонился, и его лицо стало холодным как сталь, – так сделай что-нибудь, чтобы этого не происходило... чем больше людей это стараются делать, тем сильнее поддерживается баланс между человеком и природой. Один человек ни на что не влияет, но человеческое общество... и тогда, правда уже где-то посередине...

Один неудачный рофл – и ты на дне

Познакомились мы с ней в автобусе. Слово за словом сам того не подозревая, я пробирався к ее трусам... Сейчас уже нет того первичного ощущения распутывания клубка человеческих противоречий. Тогда, кажется, мне приглянулись ее кудри или большие глаза или две огромные сиськи, соски которых проступали сквозь футболку летом и тщательно скрывались в черных покрывалах все остальное время. Сопоставимые с термоядерным комплексом, они смотрели на меня строгими глазами Сквидварда из «Спанч боба». Да кого я обманываю! Естественно она зацепила меня чувством юмора, что для меня загадка до сих пор.

Она заикалась на каждом слове первые совместные поездки, и все же я выудил, что учится она на переводчика, о чем в целом не сложно было догадаться, учитывая постоянные песенки на английском, струящиеся из ее маленьких портативных наушников. Я имел не осторожность... неосторожность это вообще мой конек: Если вам нужно испортить выступление на массовом торжественном мероприятии или произвести в личной беседе впечатление отталкивающего парня, предоставьте эту задачу мне. Любые правила приличия будут вывернуты на изнанку в моих устах.

– Прекрасно выглядишь в этом платье! Наверное, дорогое?

– О, да! – румянится от смущения, – Парень подарил мне его вчера...

– Я спрашивал дорогое ли оно, а не, кто его тебе подарил...

Закадровый смех, но, к сожалению, еще не титры. Так и с Ней: Она любила рассматривать под рофельной лупой каждого прохожего за окном автобуса и обсмеивать, что отдельный вид умилительного искусства. Вот и подумал, что Она и над собой тоже посмеется, когда начал пародировать ее заикания. До сих пор не ясно, постироничная ли была серьезность у Нее на лице после этого или Она лишь хотела меня пристыдить? В любом случае, я пожалел о пошученном.

– Че охуел? – она сверлила меня огоньками глаз из-под окуляров, еще чуть-чуть и вполне себе замещающих очки аквалангиста. Не удержавшись, стыд мой выплеснулся со слюнями и смешками изо рта. Она же продолжала смотреть на меня, плохо скрывая улыбку в уголках рта. Улыбку, возможно и навеянную моим смехом, а не выступившую из-под постироничной маски. Не думаю, что победил в той ситуации. Наглеца в ее голосе должна была меня предупредить о том, с кем имею дело, но и она выглядела не более чем деталь в рамках большого и запутанного рофла.

За год совместных поездок уже успел изучить местность той остановки, где Она неизменно выходила и шла походкой,

словно на подиуме, в сторону дома. Затем наша очередная рофельная беседа привела к фразе «А то что: Выйдешь со мной?» И я ступил с автобуса на ее остановку... Она долго сыпала вопросами «Зачем ты это сделал?!» «Ты что ебанутый?» и т.д. Но до конца, наверное, и по сей день не догадывается, что я, скорее всего, это сделал, потому что она попросила. Не сложно же было. В конце концов того требовала логика развертывания рофла! Не оправдываюсь. Что сделано, то сделано.

Пытаясь вспомнить хоть какую-то точку привязанности, за которую мог бы зацепиться тогда, совершая столь опрометчивый поступок, я не припоминаю ни одной. Разве что... Те примечательные десять секунд, в течение которых я забыл о существовании собственных границ, времени и пространстве, людях, жмущих нас друг к другу, пока смотрел в ее глаза, бегающие по моему лицу. Было в ней тогда что-то насильственно притягивающее. Возможно, эти секунды я и понадеялся вернуть, выходя из автобуса. Эти же секунды ищу и сейчас.

Она быстро бросила попытки узнать у меня, зачем я вышел, и затараторила о том, как одиноко живет в чужом городе, как «заебал вонючий отец после смерти мамы» и как они в родном городе искали с подружкой закладку, координаты которой той подарили на день рождения. Целые пласты личной жизни она разбрасывала возле меня, словно для этого только и требовалось, что послушать ее и выйти из ав-

тобуса. На секунду меня это насторожило, но в беспорядочном круговороте рофлов, которыми мы сдабривали иронично-ядовитые комментарии относительно окружающей нас действительности, секунда болезненного сомнения растворилась. Лишь в конце дня возле ее подъезда я узнал имя. Лера. Она помахала мне младенческой ручкой, не обремененной «жалкими адаптивками» вроде колец, брюликов или лака для ногтей, и скрылась в глубинах подъезда. Уличный шум снова просочился мне в уши, ноги заметно налились свинцом, на губах еще не остыла улыбка, сводившая скулы целый день, за который уже и не помню, чего ей про себя наплел в потоке рофлов, но сложилось устойчивое впечатление, что незнакомке этой можно написать еще и еще... Особенно отыскать ее в сети захотелось, когда в пустой квартире, где раньше были люди, оставившие после себя только блеклые фотки в мамином книжном шкафу, я понял, что в наступивший выходной мне не удастся и дальше создавать буферную зону (в виде клацания по клавишам, приносящего последние годы солидный заработок) между собой и тоскливой тишиной маминой квартиры. Можно было, конечно, пойти в офис покачаться или почитать, но в монотонные рожи коллег, оттуда не вылазящих по тем же причинам, уже можно смотреть как в зеркало. В жизни бы не подумал, что буду порой скучать даже по этому.

Однажды я так заговорился с ней, что вместо своей работы приехал к ней на учебу. Универ встретил нас своей кубы-

ческой громадой, соединяющей свои части мостами. Она с виду особо не настаивала, чтобы я сидел с ней на парах, лишь сказала, чуть заикаясь: «Я тебя не заставляю». Но почему-то стало очевидно, что будет прикольно составить компанию. Тем более, что есть возможность попросить меня подменить на работе, к чему я никогда не прибегал. Мы вошли в здание. Сонный и тучный охранник даже не заметил, – видимо кроссворды чересчур много внимания требовали – как Лера передала мне пропуск сразу после того, как пробила турникет сама. Мозаичные стены слабо отображали старый рисунок, из чего я сделал вывод – с финансированием у заведения туго. Хотя парты вроде новые, да и аудитории технически оснащены. Я частенько стал обращать на такие детали внимание, с тех пор как устроился в офис, где мусор за тобой убирает робот-пылесос. Всюду сновали на вид мои ровесники, просиживающие жизнь за партами, выклянчивая стипендию у государства. Таковыми оказались и ее одноклассники. Человек 12 всего, правда. Много девчонок. Два парня: у одного копна волос прилегала к черепушке париком, рожа усеяна мириадами прыщей, многие из которых уже наизрекли, а второй скрывал изъязвы еще не иссякшего пубертата за пышной бородой. Я сел с Лерой на заднюю парту. Обычно она просиживала там штаны с подружкой, посмеиваясь над всем, что движется. Теперь же эта функция лежит на мне. По крайней мере, ощущалось именно так. Вошла среднего роста и возраста женщина, фигурой походив-

шая на песочные часы. Идеально. Я шепнул Лере каламбур относительно фигуры дамочки, за что получил тычок локтем в грудь. Изобразив упавшего замертво от «столь сильного тычка», я мгновенно рассмешил Леру. Ей пришлось прикрывать ладонью рот, чтобы не распространить крик и слюни на всех сидящих вблизи. Предполагаю подавленный взрыв хохота был вызван особенно комичным стуком моей головы о парту во время «падения» в рамках этого безмолвного рофла. Чем чаще в такие моменты я видел ее улыбку и смеховые конвульсии тела, стуки ладони о парту, тем сильнее мною овладевало стремительное желание довести ее до оргазма рофлами, что феерически бы заканчивалось ее бесильной позой «Поникшая голова у моего плеча». Становилось ясно, что рофлы – единственный ключ к такому вот соприкосновению с ней, так как, выяснил я, она с неприязнью относится к обнимашкам.

– С детства не люблю, когда пытаются меня как-то к себе приковать, как Прометея к скале, – с дрожью в теле говорила она разок в голосовом сообщении, – Что меня по-другому любить нельзя теперь?

Через полчаса лекции преподша меня заметила и спросила:

– Вы новенький?

– Да. – Сказал я, выпрямив спину, голосом нордического гигахада и не прогадал: Лера мощно прыснула в кулак.

– Странно, что меня не оповестили. Пойду в деканат уточ-

ню.

– Не утруждайтесь! – вскакиваю из-за парты и подхожу к кафедре, – Давайте я лучше представлюсь что ли?

– Пожалуйста, – преподаша с интересом откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди.

– Эээ... – Лера снова прыснула приглушенно, сама того не зная, придавая мне уверенности. Здесь мне помогли навыки английского важные для фронтенд разработчика, – Ну... эээ... Мне интересно устранять неполадки между нашим языком и английским. Хочется принести обществу пользу что ли.

– Похвально, а зовут-то вас как? – преподаша оценивающе меня осматривала.

– Евгений...ээ... Плисовских! – многие зрители начали тоже потихоньку посмеиваться и пускать струйки воздуха через ноздри.

Преподаша наконец отстала и принялась вести лекцию по основам переводоведения, ну а мы с Лерой обсуждали каждого одноклассника в отдельности. После звонка к нам подошла парочка из них.

– Привет, а откуда ты, новенький? – спросил меня прыщавый парень. На вид он был вроде бы безобиден, да и мне ничего не сделал. Его большие рыбы глаза смотрели слегка в разные стороны. Лера сложила ручки домиком и оперлась на них головой. По ее внимательному взгляду я понял, что она ждет чего-то неожиданного, поэтому выпалил:

– В отличие от тебя, из сра салона, молодой человек! – я говорил напускным тоном напомаженного аристократа в колготках и туфельках Лепрекона с пряжками из 18-го века, что забавляло Леру с новыми приступами дикого хохота, извергающегося откуда-то из глубин души, сказал бы я, если бы верил в душу. На удивление парень усмехнулся вместе с дамой, стоявшей рядом. – Уж не девушка ли твоя? – приступ любопытства я почему-то подавить и утрамбовать в себя не удосужился, вот он и выплеснулся наружу.

– Девушка. – Как-то гордо сказала мадам, прильнув к плечу парня.

– Я бы в жизни не подумал, что вы пара, ведь зрелые прыщи на челе вашего кавалера ждут своего звездного часа уже сколько? Четыре-пять-десять пятого...

Лера ударилась лбом о парту – так сильно ее колбасило от смеха.

–... а вы не соизволили выдавить их!

– Реально! – дама посмотрела на лоб парня и принялась давить прыщи длинными ноготочками, от чего Лера сильнее пристыла к парте, краснея лицом. Затем мадам бросилась вдогонку за своим парнем в коридор. Лера выдохла, краска с ее лица отлила обратно в не менее пышные части тела.

– Пошли выйдем? – предложила она. Мы вышли в коридор и встали около стены и комментировали внешность каждого, кто выходил вслед за нами. Первой подвернулась деваха в пиджаке наподобие фрака.

– Знаешь, без очков она похожа на Бродского в парике Пушкина.

На следующей паре пришла престарелая препода в золотистой тунике, напоминающей френч диктатора. Ссылаясь на ее короткую стрижку, я шепнул Лере:

– Почему ты не говорила, что у вас ведет пары Дэвид Боуи?

– Фу, Фашик!

– Почему?

– Он в молодости испытывал симпатии к Гитлеру.

– То-то я думаю, че у него диктаторский френч такой стильный... – Леры широко улыбнулась, опустив взгляд, как то делают дети, не желающие быть уличенными в плохом поведении.

Внезапно вошла препода с предыдущей лекции и, перебирая взглядом аудиторию на предмет меня, крикнула, что никаких новеньких в списке нет. Я чмокнул Леру в щеку и нырнул в окно. Хорошо, что первый этаж был. Она конечно с этого знатно приорала впоследствии, но потом на улице сказала, что одногруппы не хотят меня больше видеть.

– Почемууу?

– Наверное, обиделись на твои рофлы, но туда их душных нормисов. Большая ржака требует больших жертв!

Этот лозунг я помню посеял день, так как большая ржака была еще впереди. Но прежде чем перейти к ней, следует разобрать ржаки поменьше, ведь из них и складывается мо-

нументальный рофл вселенского масштаба.

Если говорить о неудачах, то этот рофл я сконструировал с ней в переписке на совершенном рандоме: «ладно щас реально без шуток ухожу, было приятно порофлить пообщаться с тобой как всегда)) а сейчас я пойду похрумкаю хлопьями с молоком Космостарс, посмотрю интервью дудя с Бэд-комедианом, соберу бонусы в геншин и наконец-то слезу с бутылки». Бородач с ее учебы оказался фанатом анимешной игрушки «Genshin impact», на предмет чего я и решил его заочно потроллить.

– Пережестил в конце, – ответила она, – и спал легкий флер иронии, уступив место запаху жирного троллинга, к сожалению, – Здесь я словил себя на мысли, что это идеальное состояние рофельного потока, когда идеальный «флер легкой иронии» льется с твоих уст, услаждая нежный слух прекрасной дамы, невозможно ни контролировать, ни вообще специально как-то сгенерировать усилием воли или разума. Это выходит как-то само, по наитию. Этому невозможно научиться, пройдя курс стендапа и отточив до автоматизма все приемы каламбуров, хоть задним числом я и понимаю, как построен рофл изнутри, по какой «технологии» спроектирован так сказать. Состояние словесного поноса, складывающегося в острые рофлы бесконечной величины, наступает, только когда в поле зрения возникает Лера. Поначалу я думал так. Но со временем заметил, что желание рассмешить возникает во мне и при любом постороннем, который при-

кован ко мне излишним вниманием, когда можно, разорвав шаблон поведения, выдать что-нибудь эдакое.

В те редкие минуты моей духоты Лера пару раз бросала горстку опережающе самоироничных рофлов по типу:

«Повод ссориться в 2010-х: проблемы в отношениях, недопонимание, материальные трудности.

Повод ссориться в 2020-х: Пиздец, ты так душно не смешно ответил, что я вычеркнула этот эпизод из памяти»

От чего сложилось впечатление, что можно жестоко рофлить и над ней.

Мы стояли возле кинотеатра в ожидании сеанса, она курила сигу, и я выдал что-то обидное, но соблазнительное своей уместностью для удачного рофла, после которого она больше не трещала без умолку и односложно отвечала на мои вопросы весь день и фильм прошел в абсолютной тишине. Вроде бы она даже говорила что-то, когда я провожал ее к дому, но чего-то не хватало, активного участия в беседе. Что же я сказал тогда? Сейчас конечно не важно уже... но она потом ответила в переписке, что вонючий отец не пускает ее гулять в темное время суток, поэтому она не сможет пойти в театр погыгывать над гротескной театральщиной. Если бы я хотел намекнуть, чтобы от меня отвалили, я бы сказал примерно тоже самое. Один неудачный рофл – и ты на дне. Вот что понял я тогда.

Экзистенциальный кринж

Вода обволакивает все тело, проникает в уши, приглушая шумный мир за пределами башни. Солнце ласкает кожу сквозь бирюзовое нежное небо. Закрыв глаза, по памяти воспроизвожу свою любимую песню одну за одной.

– So I blame it on the River Lea... The River Lea, the River Lea... Yeah I blame it on the River Lea...

– Лер, ты тут? – приглушенно доносится сверху. Девчонка, свесив волосы, выдергивает из меня воображаемые наушники. – Пора инициацию проходить.

Ощущая всю брэнность собственного тела, поднимаюсь по лестнице и выбираюсь из водонапорной башни. Вода стекает с лифчика по животу и бедрам, которые здесь никто не объективизирует, хвала богиням. Ни травницы, ни студентки из меда, ни девчонки-малышки, плескающиеся в озере – никто. Перед нами расстилается золотистое пшеничное поле, скрывающее колосьями горизонт. Трава щекочет голени. Саша идет рядом и спрашивает:

– А ты тоже из города? – еще в одежде. Стесняется перед сестрами.

– Ага. – Всем радостным равнодушием стараюсь показать уверенность, которой не сказать, чтобы нет, так легкое беспокойство перед официальным представлением. Саша же, как серая мышь держится возле меня со вчерашнего дня.

– Нелегко тебе привыкать, наверное... – она съежилась от дуновения ветра, освежившего мое влажное тело.

– Ну, мы же здесь все вместе, как я поняла? – Приобнимаю ее. Наконец, она робко улыбнулась. Если здесь реально нет мужчин, возможно с ней что-нибудь да получится. Мы дошли до заброшенной часовенки в конце золотистого поля, куда мне утром сказали прийти. У кафедры (или как называется эта штука) стояли три девицы: средняя заговорила.

– Еще раз, добро пожаловать в нашу еще скромную общину, сестра! – она отвела в сторону кончик волос. Розовый боб-карэ слегка мешал. На ее джинсовой безрукавке красовались анимешные значки, среди которых четко проступал знак анархии: большая белая буква «А» в черном кружке. Перчатки с металлическими шипами на костяшках были обрезаны у кончиков пальцев. Колечко продето в левой ноздре. – Смотрю, ты уже искупалась. Отлично, не каждый сейчас может воспользоваться такой роскошью, только нас природа щедро одарила этим...

– Не стала бы торопиться с выводами... – сложив руки на груди, процедила сквозь зубы та, что слева, худошавая рыжольда в цветочном платье, с высокими носками и массивными кроссами.

– В любом случае, – закатывая глаза, продолжила розовенькая панкушка, – Если хочешь и дальше пользоваться благами нашей общины, вноси свой вклад... и оденься лучше, – она окинула мои формы прищуром.

– Как ты могла догадаться, – подхватила ноту та, что справа, лысая с огромными серьгами и темными глазами женщины лет 30-ти. Синий пиджак на ней уже смялся видимо за долгое время, что она носит. Джинса на коленке порвана, что идеально сочетается с кедами, – у нас тут что-то вроде женской коммуны, где мы еще обсуждаем и вырабатываем правила общежития. – Она указала на рыжую и назвала ее Юлей, затем назвала розовую Аней, – Ну, а я Оля, отвечаю за психологическую диагностику членов общины и их поддержку. А это, подруга поверь, еще как требуется... Чудо, что ты добралась до нас. Тебе кто-то скинул координаты?

– Да нет, просто брела вдоль заброшенных садов или что там было, потом в лесу заблудилась. Меня и нашли ваши... подруги.

– Хорошо. Никто больше не должен знать об этом месте, – встряла розовенькая панкушка, – тем более мужчины!

– Их здесь нет, я так понимаю?

– Всему свое время... Это наш шанс начать все сначала. Особенно агрессивных выведенных патриархатом мы здесь не держим, но и, слава богиням, среди 30-ти человек затесаться им и не удалось. Среди нас много студенток, но есть и деревенские... Не считая их религиозных догм, в принципе они дружелюбны и трудолюбивы, что особенно ценится. В общем, пока условно мы как самые опытные и образованные здесь отвечаем за всех. У тебя есть образование?

– На переводчицу училась.

– Вряд ли здесь пригодится, надеюсь, руками работать не побрезгуешь.

– Если это все что нужно чтобы остаться здесь – идет!

– Хорошо. Если что, я отвечаю за координацию всех крупных решений в общине, расход ресурсов и т.д. А теперь пусть Юля тебя познакомит с нашей... инфраструктурой так сказать, – Аня издала смешок.

Я оделась и вышла с Юлей из часовенки, пока Саша осталась внутри. Оранжевый желток солнца медленно таял, приближая закат. Собрала высохшие волосы резинкой в хвост. Юля рассказывала, что всем нам очень повезло, что она с аграрным образованием знает, как распорядиться всеми этим остатками какого-то заброшенного колхоза. В распоряжении общины есть старый большой сарай, где все спят, поочередно сменяя охрану (охрану чего, она еще не сказала), водонапорная башня, откуда можно пить, а вода для полива злаков берется из озера. Также там можно помыться или искупаться, добавила она.

Мимо нас пробежала свора детей, играющих в догонялки. Веселые крики обдали свежестью.

– А вон там, – Юля показала в сторону большой яблони, кроной своей укрывающей от солнца какую-то девчонку с брекетами и в очках. Она сидит на больших чемоданах, – Условно наша библиотека, заведует которой Олеся.

– Чемоданы? – мой вопрос вызвал приступ визгливого смеха у Юли.

– Ну, больше некуда книги складывать от солнца, дождя и сырости, – она пожала узкими плечами. Мы прошли чуть дальше. По обе стороны тропинки виднелись небольшие грядки с овощами. Юля сказала, что деревенские девчонки притащили с собой различные семена, которые удачно прижились после дождя неделю назад, – В туалет ходим в лес, но не далеко, чтобы не пропасть!

– Погодите, а воды не из башни у вас нет? – спрашиваю.

– У кого из городских не спрашивала, все выпили воду из бутылок уже давно, а в город или деревню соваться опасно – можно и к мужикам попасться. Да и сама как-то не подумала.

– Последний раз, когда я была в городе, все за эту воду дрались почему-то. Хорошо, что мы оттуда уехали...

– Мы? – Юля удивленно покосилась на меня.

– Да был там еще один... парень. – Юля продолжила коситься. Не знаю от чего, но меня охватила легкая дрожь, тело, видимо, еще не высохло под легким ветерком.

– А ты как здесь оказалась? – перевожу тему в каком-то странном испуге непонятно чего.

– Практика на последнем курсе у нас в здешней местности проходила: метода зондирования почвы для выявления возможностей будущего посева все дела. В стране не так уж и много плодоносящей земли, – лицо Юли исказилось грустью, – приходится идти на технологические ухищрения.

– Тебе правда все это интересно?

– Как видишь...

– И как тебя занесло в эти стезю? Не встречала девчонок из аграрки. Думала такое заходит только фермерам всяким.

– Ну почему? Я вот... чувствую родство с землей. Знаешь, не как у фашиков там всяких «кровь и почва», а слегка надуманное, но такое осязаемое в моменты одиночества чувство поддержки, подпитки от экосистемы посещает меня. Оно есть и все. Сложно объяснить. На самом деле, мне кажется, она всех нас подпитывает, просто не все это могут вот так вот ощутить и отразить в условиях общества потребления, когда плоды земли ты получаешь посредством супермаркетов, а не собственного с ней контакта. Я не экоактивистка, если что, людям бессмысленно что-либо объяснять, но каким-то образом природу нужно беречь... Даже если она тебя чем-то обделила, – смутная улыбка блеснула на миг по ее губам, – Идем.

Мы подошли к сараю с распахнутыми дверьми, у которых стояли две женщины, в руках держа, кажется, швабры, к которым вместо тряпок были примотаны на синюю изоленту кухонные ножи. Такие своеобразные копья. Запах пота резал глаза с самых дверей. Внутри сидело шесть связанных фигур. Грязные и голые по пояс, стереотипно красивые мужчины пялились на нас голодными глазами, от чего мне стало не по себе. Лица заросли волосатым покровом. Рядом лежали миски с едой, блестящие от голодных языков.

– Основная рабочая сила, – отметила Юля, затыкая ноздри от смрада, – Имена их можешь не заучивать. Их охраняют

каждый день и ночь.

– Это преступники?

– Без понятия. Твоя работа ярусом выше, – она указала на верхний ярус сарая, откуда доносились тяжелые стоны из-за стогов сена. Мы поднялись по лестнице. На сене, покрытом белой простыней, лежала женщина с пузом. Через остатки еще не выпавших волос проступал череп, обтянутый кожей. Женщина кивнула сквозь боль в знак приветствия и, разомкнув иссохшиеся губы, сказала:

– Воды! – остатки ее зубов крошились от этого слова. Юля достала бутылку с водой и напоила женщину.

– Больше укромных помещений нет, к сожалению, – повернулась она ко мне.

– Ч-ч-ч-что с ней? – еле сдерживаю заикания.

– Последствия беременности. Только бы не мальчик... Больше шести содержать уже опасно. Больше двух-то уже банда. В общем, твой долг как сестры ухаживать весь завтрашний день за Лизаветой. А на счет того парня, с кем ты была, где он?

– Н-н-не знаю... я бросила его. В деревне был вроде.

– Поговори перед сном с психологиней нашей на всякий случай. В целях профилактики. У большинства из нас были... ошибки.

Сарай начинал заполняться уставшими за день. Большинство перебирается наверх под тюки сена. Дети ложатся в обнимку с другими женщинами (матерями?) Беременная жад-

но вливает в себя воду, пока не опустошает пластиковую бутылку. Затем не менее жадно вдыхает. Я посидела с ней еще время, пока она не заснула каким-то бредовым болезненным сном в сопровождении лихорадочных вздохов и постанываний. Казалось, изнутри ее пуза что-то рвется наружу через мясо и кожу. Легкая дрожь сковала меня, поэтому скорее иду к психологине, куда мне нужно было теперь в любом случае.

После затхлости сарая навстречу меня обдает ветерок. Ночные сверчки уже стрекотали из высокой травы. Бледное око луны затмевало сверкающие звезды в небе. Приближаясь к часовне, замечаю в окнах слабый свет. Внутри сидит за центральным столом в центре амвона Оля в свете двух восковых свеч и что-то пишет. Лысый череп при отражении света напоминает яйцо. При подробном рассмотрении на нем из-за затылка можно усмотреть тату: текстуру паутины. Доска подо мной скрипит, и Оля поднимает ко мне глаза.

– Послали все-таки? – она приподняла левую бровь. Киваю, подходя. Она встает и пододвигает табуретку к столу, – Садись. Долго продлилось?

– Что? – шаткая табуретка выдерживает с трудом.

– Отношения, – Оля резко пускает струйку воздуха через нос.

– Да это даже и не отношения никакие. Так хуйней пострадали... пару лет...

– На всякий случай, расскажи подробнее, пжлст. – Оля коснулась моей ладони, отчего по мне разлилось тепло в этой

холодной ночи. С двух сторон ее лицо отливало желтым из-за свечей, а серединка лица была синей, так как луна просачивалась сквозь брешь в потолке и отбрасывала свой свет.

– Хорошо, – судорожный выдох как-то сам вырывается, – одно время он занимал мое любимое место в автобусе на самом заднем ряду возле окна. Приходилось садиться рядом. Иногда удавалось занять его раньше – он садился рядом. С частотой таких поездок, я стала замечать, что сидеть с кем-то другим не так спокойно, чем с ним.

– Сидеть с другими мужчинами, имеешь в виду?

– Да, да... А потом он пошутил очень в тему. Уже не помню, про что, но меня зацепило.

– Да! – Оля чуть не проткнула бумагу стрелом ручки. – Именно так павлин расправляет свой хвост, чтобы завлечь самку, но ты-то не самка, сечешь?

– Естественно, просто было приятно, хоть он и производил не только такое впечатление: один раз грубовато шутил про мой речевой де-дефект.

– Туповатый какой-то попался. Так себе в ногу выстрелить. Обычно они не упускают не единой возможности распетушиться.

– И не говори. Еще пару раз так пересеклись и потом загуляли вместе. Оказалось, он жил недалеко относительно.

– Как же сюда-то вас занесло?

– Если честно, уже давно хотелось махнуть куда-нибудь далеко от города... Отец душил меня своими упреками в

безработности и бездетности. Каждый раз, как приходила домой, устраивал допросы, которые особенно напрягать начали, когда по дурости я рассказала ему об этом придурке. — Еле сдерживаю смехок.

— Кстати, как его звали?

— Женя. Фамилию не спрашивала. Так вот я после очередной ссоры с отцом и съебалась к нему.

— Жила с ним? — Оля старается не выдать возбужденности, но глаза подводят и предательски бегают по мне двумя огоньками.

— Не долго. Когда состояние аффекта прошло, и я осознала, что нахожусь с мужчиной в одном помещении наедине, было поздно отступать. Но Женя и не навел из лишней жути, как ни странно. Вел себя гостеприимно и беззаботно. Когда люди начали дичать, его друзья зачастили к нему в гости с предложениями свалить в деревню. Я согласилась и его уговорила. Там мы жили в самом крайнем доме у бабушки кого-то из друзей. Старуха щедро угощала нас едой. В погребе прямо под домом были большие запасы воды. Спустя время на дом напали, видимо, поэтому. Мы забаррикадировались, но крики мужиков снаружи были настолько угрожающими, что я не выдержала и бросилась через окно. Бежала по всей деревне охваченной пожаром, который только сильнее подгонял куда-то. Выбежала на дорогу и прошла несколько километров. Дальше вы уже знаете.

— Ясно. — Оля тоже не выносит тишины наедине с кем-то,

что видно по ее сочувственному выражению лица. – А отец тебя не ищет?

Поток слез застелил мне глаза, сердце сжалось кровавой губкой, свернуло трубочкой все тело. Желудок полыхнул. Горе наступает очень кстати, так как Оля обняла меня, перестав, наконец, все это спрашивать.

Что-то мешает мне рассказать ей о многом другом. Тут все серьезно... В автобусе тогда все было не так, особенно на контрасте с остальным днем: в деканате административное хамло нагрубило из-за мелочей каких-то, одноруппы киданули конкретно в «групповой» работе потому что «нехуй было отсиживаться молчком в беседе, пока остальные честно работали». Вообще я отстраненно-небрежное отношение к себе начала замечать еще с детства, когда мы с папой в каком-нибудь общественном месте гуляли, и он говорил «Девочка, ты кто?» Условно также в этот день мне и сказал весь универ, будто сговорившись на последнем году душноснобского обучения. Села в самый хвост автобуса, досадуя на ебливые наушники, что забыла дома. И этот пес присел рядом в своей тупой куртке в клетку, как на вокзальной сумке, в которой цыгане крадут детей, если верить маминым рассказам из детства. Единственное место, где могу по-настоящему расслабиться: мир за окном, ты в окружении людей, на тебя ложивших хуй, и, слава богу! Никто не доебется и т.д. Как вдруг возле остановки пробегает смешная собачка-такса на поводке у додика в болоньевой синей куртке и дебильной

шапке с помпоном. Я комментирую такие вещи тут же.

– Тык-тык-тык, ты-рык, тык-тык, ты-рык, тык-тык, – вступая в собачку, не замечая, как, тупая дура, вслух это все произношу... Такса резко опирается передними лапами додику на ноги, нагло что-то вынюхивая своим длинным шнобелем, подобно еврейскому ростовщику, взыскующим долгожданный долг.

– Чисто собачий буллинг, – подхватывает внезапно этот придурок рядом и меня так рвет изнутри от ржаки, что оставляю в слюнях все окно. Поворачиваюсь к нему и застаю на лице выражение нашкодившего шкета, неожиданного, что мамка повернется. Видимо тоже вслух нечаянно заговорил. Через секунду он начал давить лыбу, от чего больше напомнил придурка... и рассмешил меня сильнее. Вся дневная духота осталась позади. Почему он раньше не сделал это? Думала я тогда. Затем он начал рофлить как из пулемета, я даже в моменте еще тогда уже ничего не понимала, но он разжигал во мне пламя большой ржаки, хотелось еще. Я схватила его за руку, вцепившись ногтями в мякоть ладони, а когда заметила, тут же убрала, он даже не заметил – был занят рофельными бомбардировками меня. Выражение его лица менялось каждую секунду, от чего становилось жутко и завораживающе. словно перед тобой актер сдает экзамен на скоростное актерское мастерство, и одна даже не личина, а личность (в том-то и жуть) замещает другую в пределах одного тела. Наржавшись вдоволь, вся красная и в рофель-

ных слезах, выхожу из автобуса на свежий воздух, осознавая потихоньку, что если бы существовал бог, чувство юмора – лучшее, что он бы придумал.

Дома вонючий отец снова задушил во мне этот заряд бодрости, стоило мне иронически парировать его бумерские рофлы. И никуда не деться от него в однокомнатной квартире. Днем слушать его брюзжание относительно моих взглядов на жизнь, ночью – храп на всю квартиру. Однажды я даже заснула из-за этого в подъезде, за что он отчитал меня еще хлеще. На следующее утро я снова встретила этого придурка в автобусе, но между нами была спрессованная толпа народу, поэтому он даже не подошел, хоть и смотрел, кивая в знак приветствия. А с учебы я ехала одна, его не было, а наушники я снова не взяла! Начала вспоминать, где он обычно выходил, и вспомнила, что он едет дальше, чем я. Но там конечная через пару остановок – значит, рядом где-то живет. Уже тогда во время этой слабой, но все же тоски, меня насторожило, как ловко и быстро он привязал меня к себе. Одним рофлом, очень метко попавшим в момент уныния. Но, думала я, это ненадолго, порофлим и разойдемся на очередной остановке. А он возьми да выйди со мной, когда я порофлила. Выглядел он тогда конечно как полный придурок, гибкий, однако. Стало интересно, что же еще он выполнит из моих дебильных просьб: он сменял беседу за беседой, когда я говорила «следующая беседа» только мне становилось чуть скучно, особенно когда он рассказывал про свои эти ай-

тишные штучки фронтенд разработчика. Когда я перебивала словом «похуй» его эти монологи о кодинге, он даже не обижался, а общучивал дальше. То есть ни разу не огрызнулся, что стало только подозрительнее. Может, его подослал кто, пришло мне в голову, чтобы поиздеваться надо мной? Может, он сейчас втирается в доверие покорным поведением, а в самый неожиданный момент возьми и нанеси удар в сердце хлестким оскорблением?

Льстило, конечно, и то, какое внимание он мне начал уделять после первой прогулки: звал еще и еще. А когда приехали ко мне в уник, то и вовсе я растаяла. Хотелось наговорить всякого этим нормисам, зная, что он наверняка бы заступился, но он итак достаточно унизил их. В коридоре он скрасил университетское уныние разговорами о философии и политике, не только о технике. Но это все духота, правда, местами интересная, завораживает, как она обволакивает тебя своим словесным поносом в холодном коридоре, где ты обычно стоишь одна никому не нужная. Было в нем что-то... женское. Когда он выглядывал из-за плеча, постреливая лукаво из глаз, или когда начинал над чем-то ржать как я. Это уже не поддельное было точно. Такое не сыграть, думала я, неужели бывают такие мужчины? Даже месячные стали проходить с особенной легкостью после его рофлов. Он не душил объятиями привязанности, как это часто делают парни, удачно флиртующие и заволакивающие девушек в свои обольстительные сети. И вообще, когда спрашивала об отноше-

ниях, он всегда твердо и уверенно отвечал, что ему не нужна девушка, все эти ухаживания не для него, «бытовуха это скучно» и т.д. В этом мы с ним полностью совпадали...

Со временем подозрения в его внезапном ударе рассеялись на фоне легкости наших бесед. Душный отец становился все более каким-то нереальным после того, как мы общивались каждое его бумерское слово на улице. Правда о своей семье он ничего не рассказывал... Только то, что живет с мамой. Звал даже в гости как-то. Слава богу, он это делал в сети, не знаю, как бы смотрела ему в глаза при отказе.

Иногда он трещал без умолку по какой-то теме, как мои подружайки, что как ни странно, сочеталось в нем с патриархальными установками.

– Но ведь у женщин неокортекс менее нейропластичен, чем у мужчин, – говорил в очередном нашем ераче-конструктивном споре, – поэтому они сидят чаще всего дома и нянчатся с детьми, прививая им устоявшиеся нормы. Женщинам легче настаивать на нормах. Мужчины же чаще пробуют новое.

– Изменяют женам, например! – подчеркнуто содрогаю в недрах горла голосовые связки.

– Во-первых, не все, – говорит он менторским тоном мэнсплейнера, – а во-вторых, среди женщин тоже немало бегущих на сторону.

– Перед мужской духотой не устоять, так и хочется сепарировать.

– Слушай, мне кажется, или ты предвзята по отношению к мужчинам? – Он спросил это таким наглым тоном, без всякого понимания рофла и без капли иронии в голосе, что мне захотелось провалиться тогда сквозь землю прямо посреди улицы в окружении ноунеймов и ноунеймих с детишками-ноунеймами, но нужно было переходить дорогу, пока зеленый горит. С этого момента легкость постепенно улетучивалась, и мысли о его внезапном предательстве вернулись. Не знаю, казалось ли мне или он реально стал хуже считать мои рофлы, но в любом случае настал этот момент: он ясно дал понять, что такой же мужик как и остальные. Мы обсуждали одну из моих преподаш возле кинотеатра.

– Грааль с финиками на стол и ваши грехи будут отпущены! – В игре его проступала фальш, дико отдающая бумерским душком моего отца, когда тот пытается косить под молодежь.

– Все ржака уничтожена! Ходили по тонкому льду странной иронии, но укатились в бездну клоунады для бедных! – Сетовала на него, на что он только беспробудно ржал, чем напоминал отца, когда мама злилась на него, поэтому я решила наказать его молчанием – прием, отточенный мамой годами. Он настойчиво лез мне в ухо обшучивать каждую ситуацию в фильме (довольно душном, надо сказать), но так и ни обронил ни слова о моем поведении. Уж не тупой ли, думаю, или ему похуй? О последнем варианте я все больше задумывалась после того, как он позвал меня в театр. В те-

атр, Карл!? Очевидно и последней дуре, что это жалкая подачка для отвода глаз, для видимости оказываемого внимания, тем более, что он больше и не звал меня, когда отец не отпустил меня с ним на ночной спектакль кринжа.

На протяжении года он больше не появлялся в моей жизни, ни писал, никуда не звал, даже не поздравил с 8-ым марта, как обычно. В автобусе он тоже будто намерено не появлялся. Видела его только один раз. Он стоял внизу у заднего входа в толще людей и смотрел в противоположное окно без всяких наушников, в ни с кем не разговаривая, не втупляя в телефон. Просто, молча, смотрел, как мимо проплывает город. Как ему это удавалось, до сих пор поражаюсь. Как-то спросив у него позже, получила ответ, что мысли в голове интересней скучной и однообразной ленты. Тогда я была без понятия, были ли это понты или он реально шиз.

А действительность снова обрушилась мне на плечи в виде отца, который сначала наорет, что нужно сходить в магазин, потом сам пойдет в него спустя десять минут, так и не дождавшись когда же на меня снизойдет, что сходить-то надо прямо сейчас, в виде блеклых одnogруппов, каждый из которых олицетворяет один большой смертный грех – беспробудную тупость в вопросах перевода:

– Зачем в переводе вообще лингвистика? – Говорит один самоуверенно тупо, не подозревая о той пропасти невежества, куда летит с первого курса и все никак не может приземлиться.

– Стилистический перевод это как? – спрашивает вторая на четвертом курсе (сука!!)

Наконец, в виде деканата, что встает всегда на сторону старухи, помешанной на сухофруктах, перемалываемых вставными челюстями с молниеносностью блендера, в независимости права она или нет, когда не слышит моего ответа на экзамене из-за собственного чавканья.

Весь этот экзистенциальный кринж чередуется невыносимо скучными поездками на автобусе из одной точки в другую, даже музыка уже не так сильно спасает ситуацию. Тем более, что в родной город мы тем летом не поехали из-за каких-то траблов с перелетами. Пришлось гнить заживо все лето там же, где и одногруппы, которых, слава богу, не увижу, так как на улицу никто не зовет... Поэтому решила это сделать сама!

– Привет, Женя! Хочешь погулять, поболтать? – пишу ему в VK.

– Привет, Лера! – отвечает он через полдня, отвечает также как и я будто по методичке разговорника для иностранцев, изучающих русский, – Конечно, когда тебе будет удобно?

Отсутствие инициативы с его стороны выглядело как издевательство, который я, конечно же, стерпела, только бы больше не лицезреть одни и те же рожи вокруг. Мы встретились еще через неделю. При встрече сразу бросилось в глаза какое-то изменения в нем, но он сразу же затараторил ро-

флами как из пулемета, поэтому я не успела уловить их суть. Буквально форма приветствия:

– Hello, how do you weather like today? – английский к слову у него отличный с британским произношением. Не успела я проржаться и ответить, как он продолжил, – anyway, how do you dytka life? – это настолько отражало всю мою жизнь вообще, что я не могла не разорваться от смеха на всю улицу, лишь ветер слегка приглушил мои вопли, в то время как он только продолжал заводить меня рофл за рофлом. На этот раз, рассказывая о себе, он то и дело себя перебивал шизо-рофлами на подобие «Я, когда первый раз в офис пришел... ээээ (четыре месяца в психиатрической больнице лежал)... крч плутал как в лабиринтах в этих комнатах, не мог свое рабочее место найти... воот» Я не успевала даже задушить поводку скуки или как-то подстебнуть его, как он меня опережал в этом.

– Не переставай шутить! – я практически простонала. Само вырвалось. Хотела сказать «Че дурак, хватит смешно шутить, сука!» Эйфория меня переполняла до самого мозга, опьяняя и помогая забыть хоть на миг всю духоту мира. И молочно-розовые облака, обливающие нас грибным дождем, казались особенно красивыми, и серые многоэтажки обрели свое очарование на фоне покрытых зеленью дворов. Мы сели на детскую карусель в одном из таких, и он начал меня раскручивать.

– В детстве это давалось легче! – комментировал он на-

тужно, краснея с каждым новым витком огромной железной карусели. Краснея, ради меня!

Затем, когда я вслух случайно заняла перед ним в автобусе, что не хочу на учебу, он предложил поехать к нему на работу. К темному трехэтажному зданию из стекла и металла съезжались в основном велосипедисты. Все разновозрастные одетые неформально в шорты с кедами и толстовки с джинсами трудяги искрились улыбками, как в кино про силиконовую долину в Америке. Женя здоровался с каждым. Это же после каждого мыть руки, думаю сейчас, на руках скапливается за день столько микробов, как оказалось... Тогда человек мог просто помыться и все.

Женя отбил пропуск на турникете и я прошла за ним. Охраны не было даже за темными односторонними стеклами в фойе.

– Вас кто-нибудь охраняет вообще? – легкая дрожь пробила меня.

– Они сидят на кухне хомячат! Кофе будешь, кстати? – он сделал пародийный акцент на «кофе». Я согласилась. Теплый кофе и плед согрел меня после дождя, который успел меня промочить от остановки до входа. Женя вел меня по узким, но уютным коридорам офиса, желтые стены которого расслабляли мой вечно напряженный в попытке все разглядеть глаз. Мы пришли на кухню, где охранники пили кофе с сэндвичами и о чем-то активно пиздели, меня даже взглядом не окинув (зря беспокоилась, что выгонят). При-

глушенный свет создавал ламповый вайб домашней кухни, когда приспичит похавать, и ты тайком от родителей хомячишь что-нибудь, тихо роясь в холодильнике. Его коллеги, правда, посматривали на меня слишком уж оценивающе... хотела ему сказать об этом, да побоялась выглядеть старой бабкой. На каждом углу за специально мутными стеклами находилась какая-нибудь переговорная, где не менее мутные силуэты шушукались о чем-то важном (наверное). Он выдал мне мягкие тапочки, прежде чем мы вошли в рабочую зону, где стояли столы с мониторами и компами. Все ходили в тапочках с кружечкой чего-нибудь, как у себя дома.

– Здесь я и работаю, – сказал Женя, окидывая рукой офисную зону. Его место было в самом конце зоны, ближе к окну без занавесок. На стене между окнами висели большие телевизоры с какими-то таблицами и циферками, как на Уолл-стрит. Пока все что-то обсуждали, шастая по ковру от места к месту, в ряду, где сидел Женя, все уткнулись, сгорбившись, в мониторы и клацали по клавишам. Я заметила, что в их диалоговых окнах виднеется значок чата-GPT.

– Уютненько! – говорю. Женя изображает, как пьет из воображаемой кружечки чая.

– Ну, знакомить тебя с этими ботами, надеюсь обязательно? – спрашивает он, изображая (или нет?) в голосе надежду на то, что знакомить меня с этими ботами обязательно. Комп на его рабочем месте был уже включен. – Пойду тогда тоже кофейка возьму что ли... – он ушел. Я загляну-

ла в комп, где также было выведено окно с чатом-GPT. Переписка с чатом уходит в глубь времен (где-то год точно). Среди последних вопросов было написано «Как думаешь, когда девушка тебя резко гостит, это проверка или нет?», «Что больше влияет на привлекательность: внешность или харизма?» и т.д.

Мне стало слегка не по себе от этих вопросов. Говорила мама «Не читай чужих писем!» Зачем я полезла тогда вообще?! Это смазало впечатление о нем. Сразу в голову полезли мысли о его завуалированных ухаживаниях за мной, затем принудительной привязке к себе и женитьбе... и самое жуткое: семья! И не как в «Форсаже», а настоящая семья с детьми, угробленной личной жизнью навсегда и ссорами по всякой хуйне, как было у мамы с папой с самого моего рождения. Буквально ненавидели друг друга, живя долго и несчастливо. Он принес мне чокопай с кокосом. Блин мой любимый, подумала я, неужели я ему когда-то успела пиздануть про свои пристрастия сладкоежки? Когда? Вечно пускаю пыль в глаза, чтобы понравится мужчине.

Женя сел напротив меня за круглый столик в углу, закинув ногу на ногу.

– Говорят скоро переводики того... ВСЕ. – Сказал он, попивая из кружки.

– Че это вдруг? – Забавшись отвлекаться на каждый шорох, села к нему.

– Нейронки заменят лет через 10-15, а то и раньше.

– Не знаю, перевод все еще говно. А стилистический перевод даже человек не каждый осилит адекватно... по крайней мере из моих одноклассников точно. – Он прыснул смешком, чуть не подавившись кофе.

– Правда смешно рофлю? – приятно греет в районе груди, при виде его смеха, прокашливания и тяжелых вздохов после с трудом добытого воздуха. Не в том смысле, что он чуть не сдох, а что я тоже смешная.

– Always has been, – Кивнул он одобряюще. К тому моменту я уже составила личный топ его рофлов, копившихся месяцами. Среди них до сих пор помню:

1. Когда мы говорили про «1984» Оруэлла, который из каждого утюга свистел буквально, речь зашла про момент, когда Уинстон Смит пережил бомбардировку правительства и наткнулся на оторванную руку, которую тут же отбросил как ненужный мусор. Женя с явным неодобрением об этом рассказывал, лицо исказилось гримасой безмолвного осуждения. Я спросила «Ну а что он должен был сделать?»

– Он должен был, конечно же, незамедлительно вызывать скорую помощь и милицию! – проговорил он тоном наивного ребенка, утверждающего очевидные истины.

2. Один раз он осквернил рофлом мои святыни (песни Ланочки Дель Рэй) довольно жестко, на что я ответила, что при встрече ударю его. Ответ убил:

«Надеюсь ты это сделаешь ногой, чтобы я смог ее облизать, ведь я так обожаю облизывать женские ноги, что обоссаться можно». Своим хохотом я разбудила отца и получила подзатыльник, но все, что смогла написать Жене из гаммы эмоций так это «Поржала». Уже тогда я поняла, что Интернет убивает эмоции.

3. На 8-е марта он рассказал мне целый рофельный анекдот:

«Сделал праздничный ужин сегодня престарелой женщине через стенку от меня: картошку с мясом в духовке. Получились роскошные чипсы с беконом и привкусом пакета, в котором это все готовилось. Пальчики оближешь (и фсе)»

– Че за женщина? – спрашиваю, обсмеяв монитор.

– Мама моя... – эти многоточия намекнули, что я дура, потому что очевидно же что один он жить не может. Кстати в этой истории проявлялись зачатки его авторского стиля плетения рофла. Дальше рофла от реальности уже будет не отличить, а объем будет превосходить предыдущий в десятки раз.

4. История о свадьбе его Дяди с Якуткой:

«Прибыв в ЗАГС в составе четырёх человек (Я, Дядя, Якутка и прицеп), я тут же был пожалован за руку каким то гигантским младенцем в костюме и пальто, его нижняя челюсть выпирала как у гигахада и стрижка была полностью

как у Дяди, а за руку его держала сама настоящая милфа (45 лет) Дядя вручил мне футляр для обручальных колец и пошёл в комнату жениха и невесты, я же вместе с остальными гостями присел в фойе ЗАГСа послушать дебаты гардеробщицы и тётки якутки (она сказала сидящей рядом подруге якутки с работы что её можно звать тёткой якутки) на тему "пропаганда развода как подрывная тактика борьбы с революцией в зачатке". Даже не пытаюсь вдаваться в подробности, я тихонько приоткрыл футляр, увидев пустую выемку для колец. Затем мы направились в зал, меня как свидетеля посадили вместе со свидетельницей в белой комнате с красным гербом России. Свидетельницей была подруга Якутки с работы. На протяжении нескольких минут я лицезрел натянутые улыбки сводницы и молодожёнов под торжественную музыку, затем кринжовые попытки вдеть в кольца, опухшие с бадуна пальцы Дяди, мы сфотались и сели в лимузин

Мне досталось место рядом со свидетельницей, когда я пил сок на фоне пьющих шампусик у свидетельницы закралась мысль, что со мной что-то не так.

– Женья этот походу не пьющий. – Прошептала она якутке, которая после выхода из лимузина на кинотеатре Вавилон взяла меня под ручку и выпросила почему я не пью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.